

УДК 82.0 (091)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Михаэль Фридерих, доктор

От переводчика

Публикация, предлагаемая нашим читателям, являет собой перевод одной из глав монографии немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма» (Висбаден, 1998). Во время написания книги М.Фридерих являлся научным сотрудником Бамбергского университета. Интерес исследователя привлекали тюркские языки и литература. Он довольно долго работал в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, несколько месяцев собирал материалы для диссертации, посвященной личности и творчеству Габдуллы Тукая, в библиотеках Казани и Москвы. Он интересовался при этом и другими крупными представителями татарской литературы, например, Дэрдмендом – перевод его яркой статьи о творчестве Дэрдменда недавно был опубликован в журнале «Казан утлары». М.Фридерих свободно говорит и читает на татарском языке, причем изучал материалы на арабской и латинской графике, а также кириллице. Он внимательно изучил абсолютное большинство публикаций о Тукае, увидевших свет после смерти Тукая. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировался сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал весьма оригинальные наблюдения и выводы, которые, хочется надеяться, будут интересны нашим читателям.

Искандер Гилязов,

доктор исторических наук, профессор

Глава III. Восприятие Тукая

Разница во мнениях и противостояние в вопросе об оценке личности и творчества Габдуллы Тукая, проявившиеся еще при его жизни, существуют и до настоящего времени. Сутью всех этих разногласий и споров является поиск «истинного» Тукая.

Основополагающие вопросы, которые ставились и ставятся, это: Является ли Габдулла Тукай хорошим или

плохим поэтом? Какие идеалы, какую идеологию выражал Тукай своим творчеством? В чем состоит сущность его творчества? Чьи интересы представлял Габдулла Тукай? Ответы на эти вопросы были решающими. Они определяли основную точку зрения, которая критиками была присвоена Тукаю, и тем самым имели важнейшее значение в поиске ответа на другие, более конкретные вопросы и аспекты, возникающие при исследовании творчества

Тукая, как, например: Каково было отношение Тукая к религии? Был Тукай националистом или интернационалистом? Какое место занимает Тукай в татарской литературе? Как он относился к русской культуре? Какую роль сыграло творчество Тукая в развитии советских национальных литератур? Внес ли Тукай свой вклад в мировую литературу?

В этой главе я хотел бы представить разные ответы, которые давались на поставленные вопросы. Через противопоставление различных, порой совершенно противоположных точек зрения, о которых заявлялось, что именно их придерживался Тукай, я надеюсь показать, как инструментализировалось его творчество.

Получается так, что многие из представленных здесь вопросов не затрагивают творчество Тукая только в каких-то абстрактных, литературоведческих, теоретических рамках. Его литературному творчеству, наоборот, придавалась ключевая общественная роль. Такой способ общественно-политического рассмотрения и оценки – это не находка советской критики, он был уже представлен при жизни поэта и непосредственно в первые годы после его смерти. И все же в условиях реального социализма этот способ достиг своей наивысшей точки: литература считалась орудием в «классовой борьбе», ее политическое воздействие и преобразующая общество сила превратились в догму – литература дегенерировала до «идеологической легитимации собственных осуществляемых интересов»¹. В татарской литературе подобное можно продемонстрировать на примере творчества Габдуллы Тукая.

В мои намерения не входит рассмотрение истории татарской литературы до и после Октябрьской революции на основании истории восприятия Габдуллы Тукая, замалчивая при этом всю историю культуры и литературы Советского Союза. В моем представлении я ограничиваюсь необходимым минимумом фоновой информации, которая

необходима для непосредственного понимания аргументации и точек зрения, имеющих отношение к Тукаю. Знание соответствующего политического фона, на котором делалось то или иное заявление, объясняет, с каким намерением делалось определенное заявление в определенное время. Зависимость от политических условий в большинстве случаев ясна как день. Все соответствующие истории советских литератур рассматриваются исключительно в этой плоскости. Такой способ подхода политически сравнительно безопасен, поскольку все равно, признается ли определенное представление о литературе действительным и верным или же оно задним числом отвергается – примат идеологии над литературой ни в одном случае не ставится под сомнение. Знанием общественно-политического фона, правда, можно пренебречь, если речь идет о том, чтобы показать произвольность точек зрения на Габдуллу Тукая и позиций, которые в разное время приписывались ему. Явственные противоречия бросаются в глаза даже неопытному наблюдателю. Они особенно ярко проявляются в том, что для критиков в итоге не было важно само творчество Тукая, а оно выступало для них как материал, из которого возводился и делался привлекательным определенный идеологический каркас. Это диахронная плоскость. Она становится сложной тогда, когда на протяжении времени проводятся найденные необходимыми «ремонтные работы» с целью сохранения картины. Правда, при этом не заменяется сам загружаемый материал – творчество Тукая, – а меняется каркас, идеологические предпосылки. Творчество Тукая при этом показало себя как настоящая сокровищница: материал настолько богат и обладает такой эластичностью, что не было ни одного каркаса, который нельзя было бы возвести с помощью этого материала. В 1934 г. Фатых Сайфи-Казанлы писал как будто по этому поводу: «Тукая любили. Однако каждый социальный слой любил Тукая по-своему»².

1. Общая оценка: поэзия, идеалы, идеология и мировоззрение Габдуллы Тукая

1.1. Литературный аспект

«Все равно, с какой точки зрения – содержательной или литературного искусства, – из-под его пера не могут выйти стихи, на которых задержится глаз. О чем бы он ни писал, не возникнет прекрасной картины, перед которой можно было бы преклонить колени. Его описание никогда не достигает такого уровня, чтобы оживить перед тобой настоящую жизнь. (...) Он не обладает искусством, чтобы заколдовать тебя таким искусством, увести тебя в какие-то миры, к мечтательному и божественному счастью, к безграничным океанам чувства»³. Это, конечно, самая уничтожающая критика, которой когда-либо удостоивалось литературное творчество Габдуллы Тукая. Эти слова принадлежат Галимджану Ибрагимову и находятся в его сочинении «Татар шагыйрьләре», опубликованном в 1913 г., почти сразу после смерти Тукая. Галимджан сравнивает здесь Сагита Рамиева (1880–1926), Закира Рамиева (Дэрдменда) (1859–1926) и Габдуллу Тукая (1886–1913) – трех важнейших татарских поэтов периода междупервойрусской революцией 1905–1907 гг. и первой мировой войной. И с точки зрения содержания их лирики и ее формы, Тукай у Галимджана Ибрагимова твердо располагается на последнем месте⁴. Однако Галимджан не был слепым, он прекрасно знал, что по одному пункту он оставил позади обоих названных поэтов: «Ну и что же? Татаризм есть, есть способность отразить татарский дух и жизнь естественно и по-настоящему, по-народному... Вот и весь секрет того, почему интересуется Тукаевым человек, имеющий вкус и мораль. Но не только это дало Тукаеву его сегодняшнее положение перед народом»⁵. Галимджан приводит следующие причины, объясняющие столь высокую популярность Тукая в

народе: Тукай как поэт появился перед общественностью непосредственно с появлением первой татарской периодики («Әлгасрел-жәдит», «Фикер»), он целенаправленно поддерживался и был создан прессой как «молодой поэт» «молодой нации»⁶. Претензии и представления татарского народа о лирике были очень скромными: удачная рифма и доступный размер стиха определяли, хорошее это стихотворение или плохое⁷. В отличие от Сагита Рамиева и Дэрдменда Тукай ориентировался на меняющийся вкус народа и на духовно-политические течения, являвшиеся модными и господствующими. Но ни одно из этих течений не может поблагодарить Тукая за его пыл⁸. Коротче говоря: «В Тукае народ в какой-то мере находил то, что искала его душа и его сердце»⁹.

В первые годы после смерти поэта позиция Галимджана Ибрагимова в оценке «литературного Тукая» была не единичной. Хотя число «приверженцев Тукая» (Тукай мөхлисләре), которые «слепо поклонялись ему», и было велико¹⁰, тем не менее, чуть ли не в первый день после его смерти в татарской прессе стали появляться и едкие статьи, основной тон которых совпадал с мнением Галимджана. Критик Махмуд Фуад констатировал: «среди его произведений есть и очень ценные стихотворения, и такие, которые с точки зрения мысли и содержания являются очень слабыми»¹¹. Старому знакомому и временному другу Тукая, поэту Сагиту Рамиеву, также принадлежит не самая лестная оценка литературных качеств Тукая: «Он только разнообразил такие книги, как «Иске Кисек баш», «Бакырган» и «Йосыф», и оставил их нам, добавив к ним слова по последней моде»¹².

Большинство из этих ранних критиков сходились в том мнении, что Тукай был талантлив¹³, и искали лишь основания для того, чтобы объяснить, почему же этот талант не раскрылся. При этом можно назвать два основных объяснения.

Первое из них, «личное» объяснение, согласно которому у Тукая не было хорошего «воспитания», не было «руководства», и что Тукай при жизни никак не смог выстроить свое отношение к другому полу, к «миру любви». А эти два условия играли очень важную роль в жизни поэтов вообще – воспитание и эмоциональная, чувственная жизнь¹⁴.

Второе объяснение выставляло на передний план отношения между поэтом и обществом и подчеркивало, что жизненные условия и общественная ситуация сделали «бесплодными» (кысыр) не только Тукая, но и каждого талантливого поэта¹⁵. Такой взгляд, который опускает поэта до роли безвольного субъекта общественных отношений, однако, мне представляется спорным – все-таки одновременно с Тукаем создавали выдающиеся, и не только в татарском масштабе, произведения такие поэты, как Сагит Рамиев и Дэрдменд. Но он перекликается с господствовавшим в начале 1920-х годов подходом, согласно которому время до Октябрьской революции было отмечено лишь подавлением и эксплуатацией, и являлось эпохой экономической и духовной стагнации. Только с конца 1930-х годов, после официального осуждения исторической школы Покровского и после сталинской «великой чистки», во главу угла был поставлен героико-революционный характер дореволюционной эпохи. Схема интерпретации – человек – это продукт своего времени – осталась той же, но поворот при определении характера этого времени логично привел к противоположному результату: если в 1923 г. еще подчеркивалось, что в общественных условиях своего времени было невозможно раскрыться таланту Тукая, то в 1938 г. стало ясно, что именно эти условия способствовали тому, чтобы он превратился в великого поэта. В статье, посвященной празднованию 60-й годовщины со дня рождения Тукая (1946 г.), Кави Наджми заглянул в дореволюционное время, чтобы

перечислить события, определявшие названные условия: беспорядки среди рабочих на текстильной фабрике в Казани; трагедия в Бездне¹⁶; пламенные призывы «великого демократа» Александра Герцена¹⁷; студенческая сходка в Казани с участием Ленина в 1887 г.¹⁸; революционные прокламации большевика Кирова, распространявшиеся в долине Казанки весной 1903 г.¹⁹ К.Наджми затем подводит итог и пишет: «Вот на почве этой борьбы, великих битв и начался творческий путь Габдуллы Тукая. «Вставай, просыпайся, поднимайся» – это были его слова»²⁰. Революционный характер его времени как основа для революционного характера Габдуллы Тукая – такое положение встречалось до конца 1960-х годов²¹. С середины 1980-х годов оно встречается уже реже, а с 1990-х годов, когда распался Советский Союз и реально существовавший социализм остался в прошлом, революционной активности вообще перестали приписывать какую-либо роль в развитии Габдуллы Тукая²².

Все представленные до этого критики лишали творчество Габдуллы Тукая литературной ценности или, по меньшей мере, оригинальности. Они критиковали Тукая, потому что они были убеждены в самостоятельности литературы. Литература была для них не средством для достижения цели, но ценностью в себе. «Чистая» поэзия в их понимании не должна была следовать господствующему вкусу «массы», следовать за народом и не тематизировать, как это делал Тукай, общественно-политические течения и повседневные события. В центре внимания литературы должен был стоять поэт как индивидуум, который своим творчеством не следует за народом, а открывает ему новые горизонты. Поэзия же, в понимании этих критиков, это очень личное дело и выражение видений художественного гения²³. Такое мнение представляла небольшая часть татарских интеллектуалов, литераторов и критиков²⁴. Напротив, для подав-

ляющего большинства рассмотрение литературных качеств Тукая было, очевидно, очень подчиненным вопросом. Безусловные поклонники Тукая не интересовались этим²⁵ – для них на переднем плане стояло мировоззрение поэта: идеалы, которые находили выражение в его произведениях, отношения между Тукаем, татарским народом и эпохой, в которой он жил и творил. В татарском рассмотрении Габдуллы Тукая уже в дооктябрьское время господствовали рассуждения о социальной, общественной и политической актуальности его творчества.

В советское время все аспекты исследования Тукая были политизированы. Даже языковедческие темы, как, например, «Глаголы в языке Тукая», оказывались лишь поводом для широких идеологизированных декламаций²⁶. Если не считать некоторых малых исключений, в начале 1930-х годов никто уже не занимался вопросами литературного стиля Тукая²⁷.

В следующем разделе я подробнее хотел бы представить, какое мировоззрение, чувства и идеалы приписывались Габдулле Тукаю его критиками.

1.2. Идеалы и мировоззрение Габдуллы Тукая: пессимизм – гуманизм – оптимизм

Определение мировоззрения Тукая как пессимистического или оптимистического было основополагающим для оценки его литературного творчества, его личности, его идеалов, его отношения, которое он имел к своему народу, татарам и к своей эпохе. Оба этих определения не обязательно должны пониматься в качестве абсолютных критериев для оценки. Пессимизм мог быть интерпретирован как выражение личной трагедии поэта – то, что впоследствии в основном оценивалось негативно. Пессимизм, однако, мог быть истолкован и в том отношении, что поэт разделял и выражал господствовавшие в народе «пессимистические» чувства. В этом случае

«позитивная» и «негативная» оценки основываются на том, действительно ли народу принадлежали эти чувства²⁸ или нет. Если основным настроением Тукая определялся оптимизм, то оценка становилась намного проще и была почти всегда однозначно позитивной, потому что оптимизм означает веру в лучшее будущее, а это было одним из качеств, которые в социалистическом контексте были незаменимы для признания величия личности. Третье мировоззрение – гуманизм – занимает среднюю позицию между пессимизмом и оптимизмом. Оно означает, что внимание поэта уделено людям в целом, он не делит их на классы и тем самым не предпринимается разделение их на «плохих» и «хороших». Гуманизм допускает некоторое не совсем ясное и полностью дефинированное пространство, для противоречий в личности и в обществе. С этикетированием мировоззрения Габдуллы Тукая как гуманистического была сделана попытка вытянуть творчество и личность поэта с самого переднего фронта общественно-политических дискуссий. Хотя оценка в качестве «гуманистического» и не позволяла представить поэта неограниченно «образцовым», она все-таки предотвращала его полный демонтаж.

Проблема, лежащая здесь в основе, не в многослойности (можно сказать в переменчивости или произвольности) творчества Габдуллы Тукая. Проблема состоит в том, что большинство критиков не хотело или не могло признавать несогласованностей или противоречий в нем. Для них было невозможно ограничиваться одним единым и исключительным мнением и оценкой. В конце 1920-х годов противоречия между различными мнениями о Тукае, которые были обоснованы или не были, – в данном случае это не играло роли – практически полностью прекратились. Они были заменены единственным официальным взглядом, который, однако, не был статически установлен раз и навсегда, а ориентировался на из-

менявшиеся указания, поступавшие с политической стороны.

Какое из вышеназванных трех мировоззрений приписывалось поэту Тукаю, когда и кто это делал – это определялось предвзятыми точками зрения его интерпретаторов и общественно-политическими условиями, в которых они жили и работали. Чтобы поддержать ту или иную интерпретацию, с творчеством Тукая обходились очень выборочно: то, что было полезно, по мнению соответствующего интерпретатора, выбиралось,

цитировалось и подчеркивалось, то, что противоречило его позиции, – игнорировалось и утаивалось. Интерес в дискуссиях о Тукае касался ни его личности, ни его творчества, а, прежде всего, легитимации существующей или желаемой общественной реальности с привлечением на помощь поэта и его творчества.

Прежде чем я перейду непосредственно к оценкам Габдуллы Тукая, в последующем разделе я представлю политико-культурный фон, на котором разыгрывалось восприятие Тукая.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Enzensberger, Christian: *Literatur und Interesse. Eine politische Ästhetik mit zwei Beispielen aus der englischen Literatur. Zweite, fortbeschriebene Fassung*, Frankfurt 1981, S. 15, 17.

² *Сэйфи-Казанлы Ф.* Октябрь революциясенә кадәр татар буржуаз әдәбияты // СӘ. – 1934. – № 7. – 121 б.

³ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 74 б.

⁴ То, что Тукай думал о литературном творчестве Галимджана Ибрагимова почти то же самое, показывает его письмо от 4 марта 1912 г. молодому поэту Сагиту Сунчалю. Он писал: « публикации Галимджана в периодической печати кажутся гладкими, искренними и довольно-таки основательными. Однако я не вижу в его отдельных рассказах изящества и искусства, которое могло бы оставить в душе какой-либо след. Для темы, которую можно было бы изложить на десяти страницах, он каждый раз тратит намного больше бумаги». Цит. по: КУ. – 1960. – № 4. – 141 б.

⁵ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – 75 б.

⁶ Галимджан Ибрагимов писал: «Нельзя на все смотреть детскими глазами. Думать, что то положение, которое занимает писатель и поэт перед народом и прессой связано только с его талантом – это большое заблуждение. Здесь могут оказывать очень большое внимание случайности, положение, интересы и интриги в результате которых очень простые склонности могут быть вознесены до небес. И не только у татар, не сводущих в поэзии или морали, но и на культурном Западе тому примеров очень много» (Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 75 б.)

⁷ Галимджан Ибрагимов писал: «Тукаев же с самого начала (буквально – с самой первой молитвы) был большим мастером в этом» (Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 75 б.)

⁸ Галимджан Ибрагимов писал: «Тукаев никак их не подвинул» (Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 76 б.)

⁹ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – 76 б.

¹⁰ *Вәлиди Ж.* Тукайның шагыйрьлеге // Мәгариф. – 1923. – № 3/4. – 3 б.

¹¹ *Фуад М.* Онытылмас үкенеч // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

¹² *Рәмиев С.* Икенче апрель көне // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

¹³ См., например: редакционная статья в газете «Вақыт» (27.06.1906. – № 42; Әмирхан Ф. Габдулла Тукаев шигырьләре // Әлислах. – 1907. – № 9. – 7–8 б.; Камал Г. Габдулла Тукаев шигырьләре // Йолдыз. – 05.12.1907. – № 201; Әмирхан Ф. Габдулла Тукаев шигырьләре (3 нче дәфтәр) // Әл-ислах. – 1909. – № 17. – 8–9 б.; Әмирхан Ф. Печән базары // Әл-ислах. – 1908. – № 52; редакционная статья в газете «Вақыт» (13.12.1908. – № 407); Ибраһимов Г. Татар матбугаты // Йолдыз. – 12.01.1910. – № 490; Бәкер К. Балалар күнеле // Йолдыз. – 19.01.1910. – № 493; Ибраһимов Г. Әдәбият мәсьәләләре // Йолдыз. – 08.06.1910. – № 549; Ибраһимов Г. Күнел жимешләре // Йолдыз. – 05.04.1911. – № 666; Бәкер К. Күнел жимешләре // Нур. – 15.04.1911. – № 230.

¹⁴ Эти два условия названы, например, в статье: Фәхретдин Р. Мөсамәрә // Шура. – 1914. – № 22. – 704 б. О них же говорил и Сагитт Рамиев: Рәмиев С. Икенче апрель көне // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

¹⁵ Әмирхан Ф. Күпме какканны вә сукканны күтәрде ул ятим! // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77(742).

¹⁶ В начале апреля 1861 г. в деревне Бездна Спасского уезда произошло крестьянское восстание, быстро распространившееся и в других деревнях Казанской, Симбирской и Самарской губерний. Восстание было подавлено военной силой в середине апреля. По официальным, царским источникам речь шла о 91 убитом и 87 раненых. По неофициальным данным убитых было более 350 человек. Жестокие действия военных стали поводом для демонстраций студентов Казанского университета. «Бездненское восстание и его подавление стали важным элементом революционной атмосферы 1859–1861 гг. в России (**Great Soviet Encyclopedia, volume 3, Moscow/new York/London 1970, S. 241**).

¹⁷ О роли Александра Герцена и его журнала «Колокол», издававшегося в эмиграции см.: Gleason, Abbot: **Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s**, Chicago/London 1980, S. 77–113.

¹⁸ Сразу по окончании гимназии в Симбирске Ленин начал учебу на юридическом факультете Казанского университета. Из-за участия в студенческой сходке в декабре 1887 г. он был на короткое время арестован и затем исключен из университета.

¹⁹ Сергей Миронович Киров (1886–1934) посещал техническую школу в Казани и закончил ее в 1904 г.. Его «революционные прокламации в долине Казанки» не упоминаются ни в одном из изданий «Большой Советской Энциклопедии».

²⁰ Нәҗми К. Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу унае белән // Кызыл Татарстан. – 14.04.1946. Здесь цит. по: Нәҗми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерклар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәҗметдинов. – Казан, 1984. – 171 б. Но К.Наджми «забывает» упомянуть, из какого произведения взяты приведенные им слова Тукая – а они взяты из первого опубликованного стихотворения Тукая «Мужик йокысы». Но это не оригинальное сочинение Тукая, а перевод стихотворения «Что ты спишь, мужичок?» русского поэта А.В.Кольцова (1809–1842). При публикации стихотворения в первом номере газеты «Фикер» 26 ноября 1905 г. Тукай был назван только переводчиком (мөтәржим Габдулла Тукаев) (см.: Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. – 247 б.). Подобное замалчивание или фальсифицированные цитаты встречаются в статье К.Наджми не раз.

²¹ См., например: Нафиков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 119–128 б; Башкуров Р.; Воздвиженский В. Нәрвакыт халык йөрәгендә. Габдулла Тукайның тормыш һәм иҗат юлы. – Казан, 1966; Лаисов Н. Тукай турында яна китап // Социалистик Татарстан. – 16.03.1969. – № 64 (14616).

²² См., например: Төхфәтуллин Х.К. Камил Мотыгыый. – Казан, 1992.

²³ См., например: Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 85–87 б.

²⁴ С середины 1920-х годов это мнение критиковалось как «буржуазное». Хотя Галимджан Ибрагимов, тогда один из самых известных представителей этого течения, уже и подвергался нападкам (см., например статью: Наум Х. Татар әдәбиятында зәһәрле микроб // Татарстан. – 18.07.1923. – №136(801), он избегал полной диффамации вплоть до ареста 29 августа 1937 г. После смерти Г.Ибрагимова в тюремной больнице в Казани 21 января 1938 г. его «заблуждения» были безжалостно «раскрыты». Он был объявлен «кулацким идеологом», а его высказывания в адрес Габдуллы Тукая в работе «Татар шагыйрьләре» названы «самыми бесстыдными, самыми отвратительными» (Жәләй Л. Г.Тукай телендә фигуральер // СӘ. – 1938. – №3. – 59 б.) Высказывания в подобном «духе» и на таком же языке о Г.Ибрагимове можно встретить до смерти Сталина (1953 г.) Назову только некоторые, наиболее «выдающиеся» примеры: Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. Икенче китап. – Казан, 1940. – 24 б.; Фәйзуллина М. Тукай публицистикасы // СӘ. – 1940. – № 4. – 65 б.; Фасеев К. Әдәбиятта идеологик бозуларга каршы // СӘ. – 1954. – № 8. – 76 б. После реабилитации Галимджана Ибрагимова, в середине 1950-х годов, подобные диффамации прекратились, и точно так же неожиданно и безосновательно, как и обвинения 1938 г., стало утверждаться, что между Ибрагимовым и Тукаем существовало полное едино-

душие. В информации об издании нового, трехтомного сборника сочинений Галимджана Ибрагимова в 1956 г., например, говорилось: «Его имя совершенно справедливо считается в одном ряду такими нашими уважаемыми писателями, как великий поэт Габдулла Тукай» (СЭ. – 1956. – № 10. – 126 б.). Беззастенчивый «поворот» в оценке Г.Ибрагимова особенно ясно продемонстрировал крупный партийный функционер Камиль Фасеев. Еще в 1954 г., в вышеназванной статье он заклеил Г.Ибрагимова как «постоянного идейного врага Тукая» (76 б.), но уже в 1961 г, когда положение на идеологическом фронте изменилось, он пришел к совершенно иным «взглядам» и высоко оценивал «Ценные труды нашего великого критика» (так называлась статья К.Фасеева о Г.Ибрагимове в журнале «Совет әдәбияты» (1961. – № 2. – 142–153 б.).

²⁵ Одним из редких примеров, когда при позитивной оценке Тукая также оценивались и его литературные качества, является статья Г.Рафики, опубликованная в 1914 г. Хотя он и соглашался с тем, что среди стихов Тукая есть неудачные в литературном отношении, однако, они не портят общей картины. В большей степени они являются будто родинкой, которая украшает и без того красивое лицо и как будто придает ему особый «шарм». (Рәфикый Г. Тукайны тәхәттүр // Аң. – 1914. – №7. – 144 б.)

²⁶ См.: Жәләй Л. Г.Тукай телендә фигыльләр //СЭ. – 1938. – № 3. – 58–66 б.; № 4. – 58–66 б.; № 5. – 59–63 б.

²⁷ И даже в этих малочисленных примерах идет речь только о непрямом рассмотрении. Стихи некоего товарища Батикова в 1931 г. подверглись критике и не были опубликованы из следующих соображений: «Ваши стихи, похоже, были написаны не в этом году, а еще до революции. Теперь же стихи, написанные в стиле Тукая, не могут удовлетворить нашу горячую индустриальную эпоху, эпоху классово-борьбы» (Яналиф. – 1931. – № 5/6. – 139 б.)

²⁸ Одним из немногих примеров, когда подобное было сделано, является небольшая статья о татарской литературе литературоведа и теоретика П.С.Когана, опубликованная в 1927 г. (Коган П.С. Татар әдәбияты турында // Безнең юл. – 1927. – № 9. – 20–23 б.)

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокопочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировался сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.